

ДЛЯ СЕРДЦА ГОРЬКИЕ ДНИ

Розалия Белоусова жила в небольшом городе Колпино, близ Ленинграда. Своим рождением и развитием город обязан Ижорскому заводу, заложенному еще в Петровские времена, где работали прадед, дед и отец Розалии. Но начавшаяся война поломала весь мирный уклад. Вначале была так называемая малая война, но с большой кровью - финская. Ее участницей в должности санинструктора пришлось быть и Розалии Белоусовой. У нее, как говорится, еще не выветрился запах крови и пороха той войны, как фашисты начали бомбежку завода. Они хорошо знали его продукцию, идущую для армии, поэтому старались вывести его из строя.

Отец в первые же дни ушел на фронт, за ним старший брат. Колпино все чаще и чаще подвергалось бомбардировке, а в сентябре жестокие бои разгорелись на подступах к городу. Ижорский завод сформировал отдельный пулеметно-артиллерийский батальон, вооружил его бронемашинами, орудиями, пулеметами... Все было сделано руками рабочих. Вчерашние токари, фрезеровщики, слесари, литейщики взяли в руки оружие, чтобы защитить свой завод, свою семью. Вместе с кадровыми частями в районе Ям-Ижора батальон вступил в бой. Немцы были остановлены в четырех километрах от Колпино. Все их попытки продвинуться вперед не имели успеха. Обе стороны зарылись в землю. Тогда немцы начали жестокий обстрел и бомбежку города, который постоянно горел и разрушался. Огнем был охвачен и дом Белоусовых. Сгорело все до головешки.

Р. Белоусова: «После этого оставаться в Колпино не было смысла. Мы решили" податься в Ленинград, где жили мамыны родители, дедушка и бабушка, тем более, наступали холода.

Трудно было узнать тот, довоенный, Ленинград. Улицы были пусты и тихи. Из окон многих домов на Невском торчали жестяные трубы,

некоторые окна были заделаны фанерными листами. Дедушку мы застали немощным и слабым. Бабушка была в постели. В квартире стоял холод, не спасала даже «буржуйка». Квартальная котельная не работала, не было света. Воду носили из Невы. Адский холод и мизерный **паек** пагубно действовали на здоровье наших стариков. Я устроилась работать в госпиталь вольнонаемной медсестрой. Работы было много. В переполненных палатах были тяжелораненые, их не успели переправить в дальний тыл: Дорога жизни только начала действовать.

Однажды под вечер стала ставить градусники - завыли сирены, зенитки открыли бешеный огонь. Рядом грохнула бомба, зазвенели стекла. Раненые беспомощно смотрят на меня... А я? А я собрала в кулак всю свою волю, продолжаю ставить градусники, только слежу за тем, чтобы руки не дрожали. Когда закончила работу, зашла в процедурную, села на стул и тут же ослабла от пережитого страха.

Были и такие дежурства, когда при длительных бомбежках тяжелораненые просили: «Сестренка, спустите нас в бомбоубежище!» Они волновались больше, чем те, кто не был в бою. Остаться в адском огне боев живым, а в госпитале погибнуть, в их сознании было просто невероятным. И в эти минуты я не уходила, оставалась с ними, убеждая, что бомбы рвутся далеко, в госпиталь вряд ли попадут. Словом, наравне с ранеными «несла свой крест».

А холод и голод совсем доконали нашу семью. Умерла бабушка. Хоронили мы ее вместе с мамой. Завернули в байковое одеяло и на санках отвезли на кладбище. Недолго продержался и дедушка. Таким горем и страданием жили почти все ленинградцы, но город жил, сражался, стоял.

С особым трепетом мы ждали весну, надеясь на лучшее. И верно: повысилась норма выдачи хлеба. Это Дорога жизни спасала нас от голодной смерти. К 1 Мая на продуктовую карточку впервые мы

получили немного мяса, пшена, гороха, сельди. Дети получили соевое молоко. Это был праздник.

Но самое примечательное было то, что с первыми весенними днями ленинградцы вышли на очистку города. Изнуренные, чуть передвигающие ноги, они сумели привести город в божеский вид.

На долю медперсонала легла забота разнообразить питание раненых. После дежурства в парках, скверах мы собирали молодую крапиву, щавель и другие съедобные травы, так необходимые в рационе питания от цынги.

А вскоре, с открытием навигации на Ладоге, началась вторая массовая эвакуация населения. В октябре и нам было предложено эвакуироваться. Мать сильно сдала, да и сестренка Вера ослабла. На барже через Ладогу мы переправились удачно. Погрузили нас в теплушки. Меня, как медсестру, поместили в вагоне, где было много тяжелобольных. В пути мы были 20 суток. Не все доехали до места, умерших хоронили по пути следования. Не довезла я и свою маму. Она умерла на моих руках. Много светлых мыслей я сохранила о ней, умевшей молча переносить все тяготы и лишения, умевшей угадывать радость и боль своих детей. Умирая, она только сказала: «Дай Бог, тебе, дочка, здоровья!... Береги Веру...» А я не смогла ее уберечь. Вот уж поистине: что имеем не храним, потерявши - плачем...»

Вспоминая войну, немало еще горестных мыслей высказала Р. Белоусова. А дальнейшая ее судьба сложилась так. Состав, в котором она ехала, прибыл на конечную станцию Канаш. Отсюда ее и часть эвакуированных на подводах доставили в Янтиковский район. Как признается Розалия Белоусова, здесь жизнь тоже была не сладкой. Правда, не было бомбежек и артобстрелов, но не легче было с питанием, с другими житейскими заботами. Розалия устроилась экономистом в райпо, вышла замуж, переехала в Канаш, стала работать в системе потребкооперации. Более сорока лет отдала она

этому коллективу. Отсюда ушла и на заслуженный отдых. Но не забывает она горьких дней блокадного Ленинграда.